

1995. - 21 февр. - с. 2.

Последняя надежда

Валерий Аграновский в своей книге «Последний долг» пишет об отце, знаменитом журналисте Абраме Аграновском, который был обречен на долгие годы ГУЛАГа. Такие книги уже были. Эта вот чем будет выделяться в подобной литературе. Она рассказывает о том, как выживала человеческая душа по эту сторону колючей проволоки, когда 8-летний Валерий остался на попечении 15-летнего брата Анатолия.

Я бы назвал эту книгу документом, показывающим, как росли и кем выросли дети журналиста Абрама Аграновского. И почему они выросли именно такими, а не другими. У меня есть возможность подтвердить впечатления от книги своими личными наблюдениями:

С Валерием дружил всю жизнь и много лет работал рядом с Анатолием. Что касается профессиональных дел, то братья, безусловно, не олицетворяли собой облик тогдашней журналистики, которая бесперебойно работала по заказам властей. Братья были «штучными» журналистами. Чуть было не сказал — журналистами завтрашнего дня. То есть, значит, сегодняшнего?

Ну, тут уж позволяйте горько усмехнуться.

Меня сильно огорчают некоторые мои нынешние коллеги. Даже лучшие из «некоторых» пишут всего лишь хлестко. Они увлеклись комментаторством жизни. Я все-таки полагаю журналиста не комментатором жизни, а ее, с позволения сказать, жильцом. Валерий Аграновский в одном из абзацев книги роняет: «Буду говорить только о том, что видел сам, сам слышал, сам прочитал». Мне эта сентенция кажется странной в применении к нему. А как же иначе?!

Я объясню, что меня больше всего удивляло в журналистах Аграновских. При их житейской мудрости, при их литературном таланте — какое-то немислимое, воловье трудолюбие, то есть профессиональная доскональность, щепетильность. Материалы для иной статьи они собирали буквально года-

ми — накапливая, осмысливая. Валерий ехал в далекие друг от друга города, чтобы свести в смысловое единство факты всего лишь одной статьи. На его журналистских путях случались какие-то немислимые совпадения, стечения обстоятельств. Я не мог им не поражаться, иной раз, признаюсь, и не

— живи и не отвлекайся. Более того, некоторые главные редакторы к таким журналистам относились даже с симпатией, чтобы не сказать — с уважением. Возможно, редакторам по-человечески был летен такой «ассортимент» в лично их газете.

Зачем быть журналистом?**Не только про книгу
Валерия Аграновского «Последний долг»**

верилось — не «творческий» ли это полет фантазии? Так нет же! Все оттого и не было случайным, что он много работал, много ездил, много видел и знал.

Предвижу реплику в адрес нынешних журналистов: «Ну, сейчас все стали смелыми!» На это я скажу, что и в те тяжкие поры Валерий Аграновский был из немногих журналистов «с чистыми руками». Он не позволял себе писать то, что полагал писать невозможным, а писал как раз то, что другие, в свою очередь, тоже полагали невозможным писать. И благополучно не писали.

Я все это излагаю не в порядке восклицательного знака. Ничего чрезмерно героического в том не было. За неписание «нужного» и писание «ненужного» в общем-то из редакции редко гнали. Ну, естественно, квартиры, дачи, машины и прочие зарубежные поездки таким журналистам надо было выбросить из головы. А в остальном

Впрочем, не буду иронично неблагодарным. Некоторым главным редакторам за некоторое вольнодумство приходилось расплачиваться, и довольно круто. Например, Юрий Воронов вылетел из своего редакторского кресла в «Комсомольской правде». Правда, не за статью Валерия Аграновского. За статьи Валерия он регулярно «получал», как тогда говорилось, в рабочем порядке.

Я не собираюсь облакать тех журналистов неким чрезмерным ореолом геройства. Все гораздо проще, начальники понимали: они ведь все равно не станут (да и не умеют) писать нечто непотребное. Так зачем же с «этим» лезть к ним, когда кругом полно желающих? А желающих было полно. Правда, приучить к этому главного редактора было не так уж и просто. Впрочем, специальному корреспонденту «Комсомольской правды» Валерию Аграновскому, конечно, повезло. Когда у тебя главным редактором Юрий Воронов или Борис Панкин, как-

то полегче было оставаться порядочным и, если угодно, талантливым.

Но главное все-таки не то, кто у тебя редактор, а жизнь, которую ты прошел до того, как стать журналистом, — твоя светлая семья, нравственность твоего окружения. Во всяком случае, я прочитал в книге «Последний долг» именно про это. Про то, как складываются облики таких людей, таких журналистов, каких воспитала семья Аграновских и друзья этой семьи. Валерий и сегодня остается «штучным» Аграновским. И не только в силу своего таланта, но и в силу своего понимания смысла жизни журналиста. Он знает, зачем быть журналистом.

Да, меня очень огорчают некоторые мои нынешние коллеги. Журналистика как-то ушла от повседневной жизни и повседневных людей, ушла в скандалы — политические, криминальные, экономические, если угодно, сексуальные.

А ведь были «просто журналисты», которые писали про «просто человека». И была у этого «просто человека», уже совсем отчаявшегося, последняя надежда — журналист. И вы знаете, этому журналисту, у которого, кроме редакционного удостоверения и советливости, никакой опоры больше не было, удавалось добиваться невозможного в нашей невозможной стране. Иной раз даже удавалось вытащить невиновного из тюрьмы. Хотя это, конечно, дело суда, но судьи и тогда, сами понимаете, какими были.

И уж поверьте, журналист это делал не за взятку. Ни Нина Александрова в «Известиях», ни Давид Новоплянский в «Правде», ни Евгений Богат в «Литературке»...

К кому сейчас идет бедствующий человек с невыносимостями своей жизни, уж и не знаю. К нынешним журналистам идти бесполезно — они не по этому делу. Валерий Аграновский до сих пор именно «по этому делу».

Эдуард ГРАФОВ